

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2023_4_150

А.А. Матюхин*

В.С. Комаров**

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ И РЕФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОПОНИМАНИЯ КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ***

***Аннотация.** В статье рассматривается взаимосвязь правоприменения и права как отражение интеллектуальной функции правовой культуры, исследуются социально-экономические и политические преобразования, которые привели к возникновению новой интеллектуальной ситуации в юриспруденции. Авторы анализируют попытки реформирования сферы права на постсоветском пространстве, оценивают содержание и реализацию «Концепции судебной реформы» как в целом, так и в частности, включая идею возрождения в России и постсоветских государствах суда присяжных, действующего на началах подлинной самостоятельности, показывают исторический процесс внесения необходимых поправок в Конституцию РСФСР 1978 года и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР правовых норм о рассмотрении дел с участием коллегии присяжных заседателей. Делая вывод о связи природы права с феноменом правосознания, авторы обосновывают идею о том, что исходным пунктом в этом случае выступает правопонимание.*

***Ключевые слова:** право, судебная реформа, правопонимание, правовая культура, правовое сознание, концепция, конституция, юридическое мышление, свойства права, нормативизм.*

Проводимые с середины 80-х гг. прошлого столетия в СССР, а затем в других образовавшихся на постсоветском пространстве государствах социально-экономические и политические преобразования, привели к возникновению новой интеллектуальной ситуации в юриспруденции. Формирование иных общественных связей и вывод их из-под прямого влияния государства повлекли за собой необходимость разработки правовых норм и институтов с более высокими требованиями к юридической защите участников общественных отношений.

Вместе с тем, замена законов сама по себе не способна перестроить сложившиеся *системы деятельности*. Инновации в правовом регулировании – как, может быть, ни в одной другой сфере – встретили сопротивление, обусловленное *человече-*

* **Матюхин Анатолий Алексеевич**, профессор кафедры теории и истории государства и права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор. E-mail: amatyukhin2006@yandex.ru

** **Комаров Владимир Сергеевич**, доцент кафедры теории и истории государства и права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук. E-mail: lawinst-spb@mail.ru

*** В статье использован материал монографии: *Матюхин А. Государство в сфере права: институциональный подход.* – Алматы: ВШП «Эділет», 2000. – С. 24-37.

ским фактором. Ведь чтобы законы выполнялись «автоматически», как в странах с развитой политической и правовой культурой, юридические идеи должны стать «естественным» фоном общественной жизни. А это возможно лишь в условиях, когда законопослушание основывается на развитом правосознании. В случае же, если язык права еще не стал для граждан родным, эталоном «правильного» правосознания, определяющего уровень политической и правовой культуры общества, его заменяет профессиональное сознание юристов. Причем не только правосознание отдельных выдающихся представителей юридической профессии, а некое нормальное усредненное сознание профессионалов, воспроизводимое всем «юридическим цехом» и привносимое им в социальные институты [15, с. 25].

Оказалось, что *основная проблема – в организации мышления самих юристов.* Даже если не брать трагическую историю юриспруденции в СССР после Октябрьской революции и изгнание из практики и теории самой Идеи Права (за счет попыток превратить правосудие в орудие борьбы одного из классов), остается вопрос – в какой мере и как возможно становление правовой структуры общества в Советском Союзе, как должна быть устроена юриспруденция, чтобы это осуществить? Об этом писали многие юристы, включая С. В. Попова и П. Г. Щедровицкого – организаторов одной из первых в Советском Союзе конференций, посвященных проблемам методологии права [16].

Считая «призрак ответов, блуждающий в дискуссиях» довольно точным отражением взглядов, сложившихся в юридическом сообществе по поводу поставленных вопросов, С.В. Попов и П.Г. Щедровицкий полагают, что «современное состояние юридического мышления, привыкшего обосновывать, толковать и исполнять указы, лежащие вне всякой идеи права, вряд ли позволит это сделать» (т. е. найти нужные ответы). Отсюда, по их мнению, «напрашивается единственный вывод – *необходимо коренное переосмысление основных категорий и понятий права и юриспруденции, при этом главная задача – формирование мышления, способного осмыслить и правовым образом оформить процессы, происходящие в стране*» [16, с. 2].

Одна из продуманных попыток реформирования сферы права на постсоветском пространстве связана с разработкой и реализацией «Концепции судебной реформы», одобренной Верховным Советом Российской Федерации 24 октября 1991 года [13]. Пожалуй, наиболее ярким элементом Концепции была идея возрождения в России суда присяжных, действующего на началах подлинной состязательности. Авторам Концепции удалось добиться путем внесения необходимых поправок в Конституцию РСФСР 1978 года [3] и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР [2], а в конце 1993 года в Саратове состоялось первое слушание дела с участием коллегии присяжных заседателей [10, с. 50–58; 14; 18, с. 94–97; 22; 23; 24]. В Конституции РФ 1993 г. непосредственно суда присяжных касаются ст. 20 ч. 2 и ст. 123 ч. 4 [1; 12].

Введение подобного института стало пробным камнем для компетентности не только судей, но и прокуроров, следователей, всей правоохранительной системы. Осуществление – не на уровне деклараций, а на деле – судебной реформы выдвинуло повышенные требования к юридическому профессионализму. Достаточно сказать, что реальное соблюдение принципа презумпции невиновности и применение более жестких стандартов допустимости доказательств привело к тому, что обвинения, вполне приемлемые для «обычного» суда, в суде с участием присяжных зачастую «рассыпались» как карточный домик. И дело не в том, что работники следствия и прокуратуры привыкли к обвинительному уклону суда или были какими-то реак-

ционными – большинство из них совершенно искренне боролось с преступностью. Но при этом они столь же непосредственно пользовались *устаревшей теорией доказательств*.

«Стало ясно, – пишет участница тех событий Л. М. Карнозова, – что ни смена идеологии, ни освоение новых навыков и процедур сами по себе еще не означают подлинной перестройки в сфере юстиции, поскольку *в отличие от косметической перестройки реформирование касается оснований правопонимания*. Они образуют базовую структуру юридического профессионализма, обладающую невероятной инерционностью и консерватизмом и конституирующую реальную деятельность, которая “не обращает внимания” на новые идеологические “украшения” и законодательные новеллы. Предлагаемые преобразователями формы деятельности не могут быть в принципе реализованы без обеспечивающих их структур понимания. *Профессиональное сознание юриста должно опираться на современное представление о праве*» [22, с. 12].

К концу 1995 года судебная реформа в России, по сути «забуксовала». Практика суда присяжных остановилась на девяти регионах. На рассмотрение Государственной Думы поступил умеренно-консервативный проект нового Уголовно-процессуального кодекса, а Отдел судебной реформы и судопроизводства Главного Правового управления Президента Российской Федерации был ликвидирован. Последним успехом реформы можно считать принятие Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» [4], конкретизирующего конституционные положения о присяжных заседателях и вводящего институт *мировых судей*. Но распространение института суда присяжных фактически остановилось, а на введение института мировых судей просто не предусматривалось финансирования.

Однако, несмотря на трудности, идеи судебной реформы продолжают реализовываться силами законодателей, органов конституционного надзора и заинтересованной общественностью, а также используются в процессе сближения законодательств стран СНГ. В частности, еще в 1995 году международной рабочей группой был подготовлен проект модельного уголовно-процессуального кодекса для государств – участников СНГ. Он был принят Межпарламентской Ассамблеей СНГ 17 февраля 1996 года [19]. Нормы, включенные в этот документ, предусматривают процесс с участием присяжных, современные нормы допустимости доказательств и ряд других инноваций.

Однако следует, вероятно, учесть один весьма существенный фактор. «Когда дело дошло до реализации, оказалось, что приверженцев идей реформирования нашей юстиции среди юристов не так уж много... Стало очевидным, что укорененные в профессиональном мышлении нашего сообщества представления о праве препятствуют глубокой проблематизации «социалистического правосудия» и являются основным тормозом реформ... Осознание этого обстоятельства приводит к выводу, что осуществление судебной реформы состоит не столько в сочинении и введении в действие новых законов, в материально-техническом обеспечении вновь создаваемых институтов, но и – в первую очередь – в *реформировании юридического мышления, профессионального менталитета*... Такое понимание ситуации заставило выделить развитие профессионального мышления в особое направление работ по судебной реформе» [22, с. 6–7].

Обосновывая значение «интеллектуального фактора» реформ, отметим, что термин «юридическое мышление» понимается далеко не однозначно [21; 26]. Мы исхо-

дим из того, что *мышление трактуется отнюдь не как субъективная способность человека к «думанию», которая изменяется по чьему-либо произвольному желанию.*

По мнению известного специалиста в области сравнительного правоведения Рене Давида, «нормы права могут меняться от росчерка пера законодателя. Но в них и немало таких элементов, которые не могут быть произвольно изменены, поскольку они теснейшим образом связаны с нашей цивилизацией и нашим образом мыслей. Законодатель не может воздействовать на эти элементы, точно так же как на наш язык или нашу манеру размышлять» [9, с. 39]. Иначе говоря, *мышление хотя и осуществляется людьми, но имеет объективный характер, и масштаб времени, в котором можно говорить об изменении мышления, – это исторический масштаб смены культур.*

В частности, исследуя юридическое мышление, В. М. Розин проводит анализ преобразований, противопоставляя два подхода к ним: как к *организационным решениям* и как к *модернизации*: «В первом случае эффект социального действия незначителен, поскольку *не затрагиваются основные глубинные структуры и процессы системы, на которую оказывается воздействие.* Во втором есть надежда на реальный эффект...» [21, с. 23]. К таким «глубинным структурам и процессам», воздействие на которые может обеспечить реальный эффект, относятся, по его мнению, «язык и основы юридического мышления», закрепленные различными правовыми школами в понимании *сущности и природы* права. Поэтому необходимо ответить на вопрос о природе права и его связи с юридическим мышлением и правосознанием [21, с. 23].

Анализ научной литературы свидетельствует о весьма широком диапазоне основных взглядов исследователей на право.

Во-первых, право представляет собой совокупность норм, регулирующих поведение человека в обществе;

Во-вторых, право – это традиции и обычаи, которые признаны приемлемыми богами и, следовательно, указывают путь, которым человек может и должен следовать;

в-третьих, право – закрепленная в нормах мудрость старейшин, которые учат общепринятому стандарту человеческого поведения;

в-четвертых, право представляет собой открытую философией систему принципов, выражающих сущность вещей и поэтому поведение человека должно согласовываться с ними;

в-пятых, право выступает как совокупность установок и предписаний, следующих из вечного и неизменного морального кодекса;

в-шестых, право есть совокупность соглашений между людьми в политически организованном сообществе относительно взаимоотношений друг с другом;

в-седьмых, право выступает как отражение Божественной воли, управляющей всей Вселенной, причем, отражение той ее части, которая определяет должное поведение, адресованное людям в качестве принципов морали, нравственности;

в-восьмых, право представляет собой совокупность команд независимой власти в политически организованном обществе, которые указывают на то, как следует вести себя друг с другом;

в-девятых, право есть система предписаний, открытых человеческим опытом, заключающаяся в свободе реализации своих индивидуальных интересов, ограниченных лишь интересами и волей других участников отношений;

в-десятых, право – совокупность принципов, открытых философией и детально разработанных научными трудами юристов и их решениями по конкретным де-

лам, которая указывает на то, что воля человека должна соответствовать и согласовываться с интересами других лиц;

в-одиннадцатых, право – свод правил, наложенных на индивидов господствующим (доминирующим) классом;

в-двенадцатых, право – правила поведения, основанные на экономических и социальных законах, выявленных в ходе наблюдения, с учетом взаимоотношений человека и общества и выраженных в предписаниях, регламентирующих то, что дозволено человеку, а что нет [27, с. 25–30].

Научно-исследовательская практика убеждает, что в основании каждого из перечисленных подходов к выделению сущности права обнаруживается какая-то первоначальная основа: воля, свобода, мораль, обычаи, традиции, опыт и т. п. В то же время, все указанные взгляды можно сгруппировать в исторически сложившиеся правовые школы, провести классификацию по базовым позициям и, конечно, осуществить иные методы научного анализа и синтеза. Представляется, что подобный путь хотя и является эффективным, особенно в дидактическом, учебном плане, но все же не проясняет всего богатства мысли по поводу сущности, предназначения, природы права. Например, Р. Паунд сводит все перечисленные идеи к четырем позициям.

Первая гласит, что право существует лишь для поддержания мира в обществе при любых обстоятельствах и любой ценой. Осуществляя эту цель, право игнорирует другие индивидуальные интересы и социальные потребности. При достижении данной цели отпадает и необходимость в праве, наступает его конец.

Вторая идея состоит в том, что право представляет собой способ поддерживать социальный статус-кво (status quo). Сущность права состоит в том, что оно обеспечивает сохранность социальных институтов, позволяющих человеку иметь свою ячейку в обществе и избегать столкновения с другими индивидуумами.

Третья позиция сводит право к охране естественных прав. Право существует лишь для того, чтобы охранять эти права и позволять эффективно их осуществлять. При этом не может быть и речи о каких-то их ограничениях.

Четвертая идея состоит в том, что право существует лишь для того и сводится к тому, чтобы провозглашать и разрешать максимальное самоутверждение личности [27, с. 30–47].

Соглашаясь в целом с изложенной *философской* трактовкой природы права, необходимо особо подчеркнуть, что она еще требует расшифровки и конкретизации на предметном уровне правоведческого рассмотрения. Так, хотя психологической школой и признается, что «когда еще отсутствует положительное право», оно «живет в душе» в форме эмоциональных фантазий, или проектированных, идеологических величин, это утверждение не снимает проблемы правопонимания, а, напротив, лишь указывает на ее значимость. Признание отсутствия опосредования понятием – тоже форма правопонимания. Совсем иные истолкования предлагаются в социологической, прагматической, институциональной, солидаристской, теологической и других трактовках правосознания, а через него – природы права. Для юридической теории решение проблем правопонимания важно, прежде всего, потому, что без него невозможно ясное и отчетливое видение правовой реальности, усмотрение сущности права, формулирование и развертывание его понятия.

С точки зрения традиционного отечественного правоведения «право при самой элементарной, строго юридической характеристике – это критерий “юридической правомерности”, основание и свидетельство, своего рода социальный знак того,

что каждый из нас *вправе* или *не вправе* что-то делать, как-то поступать. Еще по суждениям древнеримских юристов (определение Цельса), право, будучи наукой о добре и справедливости, призвано быть основанием для отличий дозволенного и недозволенного» [6, с. 4].

Господствовавший в советском правоведении нормативизм сводил искомый критерий юридической правомерности к возведенной в закон воле, как системе правовых «норм, выраженных в законах, иных *признаваемых государством* источниках» [7, с. 123; 11, с. 80]. Однако в ситуации становления новых общественных отношений требования *легализации* (признания государством) и *легитимизации* (признания соответствующими праву) норм, регулирующих эти отношения, могут не совпадать. В данном случае можно согласиться с М. Ю. Мизулиным, полагающим, что «государство не столько возводит право в нормативность, сколько само нуждается в праве как таковом» [17, с. 132], ибо «Государство и право тесно взаимосвязаны, взаимно обуславливают друг друга, не существуют раздельно. Государство устанавливает правовые нормы и обеспечивает их исполнение, право же закрепляет структуру государства, его функции, компетенцию и тем самым вносит четкую определенность в осуществление государством политической власти» [11, с. 29–30].

Безусловно, для вопросов правоприменения весьма проблематично представлять право существующим «до» государственного признания. Например, обращаясь в суд, стороны апеллируют к праву не как к *философской справедливости*, а лишь к тому праву, которое «позитивно» выражено в нормах, официально признаваемых судебной властью как составной частью власти государственной.

Однако, отмечая значимость самого факта государственного признания какой-либо нормы, – в частности, в деятельности законодателя, – необходимо прояснить вопрос о природе права. Является ли законодатель абсолютно свободным в «конструировании» норм закона, или существует некое право, которое он *не может* не признать? Представляется ли «создание права» актом чисто политическим – или государство не только в лице судьи или чиновника, но и в лице законодателя действует в правовых рамках? Осуществляется ли «судейское усмотрение» в условиях конфликта, пробельности или иной неоднозначности подведения под норму произволом – или судья может апеллировать к какому-то праву, существующему помимо закона? Какова природа нормативного толкования, даваемого органом конституционного надзора: если содержание правовой нормы заключено не только в ее тексте, то откуда оно «извлекается» легальным интерпретатором?

Принципиально значимым моментом, на который указывают поставленные вопросы, является связь природы права с *феноменом правосознания*, исходным пунктом которого служит *правопонимание*. И поэтому всякая трактовка природы права в наиболее существенных своих аспектах оказывается в прямой зависимости от лежащей в ее фундаменте *концепции правопонимания*. Именно на нее – как на «доктрину», понимаемую некоторыми правоведами одним из источников права, – и ориентируются законодатель, судья, орган конституционного надзора в перечисленных выше проблемных ситуациях [15, с. 36].

Библиографический список

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>

2. Закон РФ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О судостроительстве РСФСР”, “Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР”, “Уголовный кодекс РСФСР” и “Кодекс РСФСР об административных правонарушениях”» от 16 июля 1993 г. № 5451-1 // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1993. – № 33. – Ст. 1313.
3. Закон РСФСР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» от 1 ноября 1991 г. № 1827-1 // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 45. – Ст. 1497 (Настоящий Закон фактически прекратил действие в связи с принятием Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.).
4. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) “О судебной системе Российской Федерации” // www.consultant.ru
5. Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» // Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 1998. – № 20. – Ст. 245.
6. *Алексеев С. С.* Философия права. – М.: НОРМА, 1997. – 336 с.
7. *Алексеев С. С.* Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Бек, 1995. – 311 с.
8. *Боботов С. В., Чистяков Н. Ф.* Суд присяжных: история и современность. – М.: Манускрипт, 1992. – 149 с.
9. *Давид Р.* Основные правовые системы современности. – М.: Прогресс, 1988. – 495 с.
10. *Карнозова Л. М.* Суд присяжных в России: инерция профессии и проблемы реформирования // Государство и право. – 1997. – № 10. – С. 50–58.
11. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 528 с.
12. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 325 с. (Серия: Профессиональный комментарий).
13. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. – М.: Республика; ВС РФ, 1992. – 110 с.
14. Летопись суда присяжных (прецеденты и факты) // Российская юстиция. – 1995. – № 9. – С. 2–6.
15. *Матюхин А.* Государство в сфере права: институциональный подход: монография. – Алматы: ВШП «Эділет», 2000. – 596 с.
16. Методология организации прикладных комплексных исследований и разработок в области права. – Ярославль: Центр науч.-тех. Услуг, 1990. – 282 с.
17. *Мизулин М. Ю.* Философия политики: власть и право: монография. – Ярославль, 1997. – 209 с.
18. *Пашин С. А.* Судебная реформа и суд присяжных. – М.: Рос. правовая акад. МЮ РФ, 1994. – 74 с.
19. Проект модельного уголовно-процессуального кодекса для государств – участников СНГ, принятый Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ 17 февраля 1996 г. // Прил. к Информ. бюл. Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (СПб). – 1996. – № 10.
20. *Радутная Н. В.* Зачем нам нужен суд присяжных. – М.: Рос. правовая акад. МЮ РФ, 1994. – 38 с.
21. *Розин В. М.* Юридическое мышление (формирование, социокультурный контекст, перспективы развития). – Алматы: ВШП “Эділет”, 2000. – 292 с.
22. Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссии / Отв. ред. Л. М. Карнозова. – М.: Междунар. комитет содействия правовой реформе, 1995. – 384 с.
23. Судебная реформа: проблемы анализа и освещения. Дискуссии о правовой журналистике / Отв. ред. Л. М. Карнозова. – М.: Рос. правовая акад. МЮ РФ, 1996. – 491 с.

24. Состязательное правосудие: Тр. науч.-практ. лабораторий / Отв. ред. С. А. Пашин, Л. М. Карнозова. – М.: Междунар. комитет содействия правовой реформе, 1996. – Вып. 1. – Ч. I, II. – 224 с.
25. Суд присяжных. Научно-практический сборник / Алексеева Л.Б., Батуров Г.П., Борзенков Г.Н., Верин В.П., и др.; Отв. ред.: Халдеев Л.С. – М.: Изд-во РПА МЮ РФ, 1993. – 372 с.
26. *Lloyd D. The Idea of Law.* Penguin Books, 1991. P. 284–299.
27. *Pound R. An Introduction to the Philosophy of Law.* New Haven and London, Yale University Press, 1982. P. 25–30.

Для цитирования: Матюхин А.А., Комаров В.С. Переосмысление и реформирование правосопонимания как интеллектуальной функции правовой культуры: статья // Теория государства и права. – 2023. – № 4 (33). – С. 150–157.

DOI: 10.25839/MATGIP_2023_4_150

RETHINKING AND REFORMING LEGAL UNDERSTANDING AS AN INTELLECTUAL FUNCTION OF LEGAL CULTURE *

Anatoly A. Matyukhin**
Vladimir S. Komarov***

Annotation. *The article examines the relationship between law enforcement and law as a reflection of the intellectual function of legal culture, examines the socio-economic and political transformations that led to the emergence of a new intellectual situation in jurisprudence. The authors analyze attempts to reform the sphere of law in the post-Soviet space, evaluate the content and implementation of the “Concept of Judicial Reform” both in general and in particular, including the idea of reviving jury trials in Russia and post-Soviet states, operating on the basis of genuine adversarialism, show the historical process of introducing the necessary amendments to the Constitution of the RSFSR of 1978 and the Criminal Procedure Code of the RSFSR, legal norms on the consideration of cases with the participation of a jury. Drawing a conclusion about the connection between the nature of law and the phenomenon of legal consciousness, the authors substantiate the idea that the starting point in this case is legal understanding.*

Key words: *law, judicial reform, legal understanding, legal culture, legal consciousness, concept, constitution, legal thinking, properties of law, normativism.*

Conducted since the mid-80s. last century in the USSR, and then in other states formed in the post-Soviet space, socio-economic and political transformations led to the emergence of a new intellectual situation in jurisprudence. The formation of other public relations and their withdrawal from the direct influence of the state entailed the need to develop legal norms and institutions with higher requirements for the legal protection of participants in public relations.

* The article uses material from the monograph: A. Matyukhin. The State in the Sphere of Law: An Institutional Approach. – Almaty: VSHP “Edilet”, 2000. P. 24-37.

** **Matyukhin Anatoly Alekseevich**, professor of the department of theory and history of state and law of the Private educational institution of higher education “Law Institute” (St. Petersburg), Doctor of Law, professor. E-mail: amatyukhin2006@yandex.ru

*** **Komarov Vladimir Sergeevich**, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Private Educational Institution of Higher Education “Law Institute” (St. Petersburg), Candidate of Legal Sciences. E-mail: lawinst-spb@mail.ru

At the same time, replacing laws by itself is not capable of restructuring existing systems of activity. Innovations in legal regulation – like perhaps in no other area – have met resistance due to the human factor. After all, in order for laws to be carried out “automatically,” as in countries with a developed political and legal culture, legal ideas must become a “natural” background of public life. And this is possible only in conditions where law-abidingness is based on a developed legal consciousness. If the language of law has not yet become native to citizens, the standard of “correct” legal consciousness that determines the level of political and legal culture of society, it is replaced by the professional consciousness of lawyers. Moreover, not only the legal consciousness of individual outstanding representatives of the legal profession, but a certain normal averaged consciousness of professionals, reproduced by the entire “legal workshop” and brought by it to social institutions [15, p. 25].

It turned out that the main problem is in the organization of thinking of the lawyers themselves. Even if we do not take the tragic history of jurisprudence in the USSR after the October Revolution and the expulsion from practice and theory of the very Idea of Law (due to attempts to turn justice into a weapon of struggle for one of the classes), the question remains – to what extent and how is it possible for the formation of the legal structure of society in the Soviet Union, how should jurisprudence be structured to achieve this? Many lawyers wrote about this, including S.V. Popov and P.G. Shchedrovitsky, the organizers of one of the first conferences in the Soviet Union dedicated to the problems of legal methodology [16].

Considering the “ghost of answers wandering in discussions” to be a fairly accurate reflection of the views that have developed in the legal community regarding the questions posed, S.V. Popov and P.G. Shchedrovitsky believe that “the current state of legal thinking, accustomed to justifying, interpreting and executing decrees that lie outside any idea of law, is unlikely to allow this to be done” (i.e., to find the necessary answers). From here, in their opinion, “the only conclusion suggests itself is that a radical rethinking of the basic categories and concepts of law and jurisprudence is necessary, while the main task is the formation of thinking capable of comprehending and legally formalizing the processes taking place in the country” [16, p. 2].

One of the thoughtful attempts to reform the sphere of law in the post-Soviet space is associated with the development and implementation of the “Concept of Judicial Reform”, approved by the Supreme Council of the Russian Federation on October 24, 1991 [13]. Perhaps the most striking element of the Concept was the idea of reviving a jury trial in Russia, operating on the basis of genuine competition. The authors of the Concept managed to achieve this by introducing the necessary amendments to the Constitution of the RSFSR of 1978 [3] and the Criminal Procedure Code of the RSFSR [2], and at the end of 1993, the first hearing of the case with the participation of a jury took place in Saratov [10, p. 50–58; 14; 18, p. 94–97; 22; 23; 24]. In the Constitution of the Russian Federation of 1993, jury trials are directly related to Art. 20 Part 2 and Art. 123 hours 4 [1; 12].

The introduction of such an institution became a touchstone for the competence of not only judges, but also prosecutors, investigators, and the entire law enforcement system. The implementation – not at the level of declarations, but in practice – of judicial reform has put forward increased demands on legal professionalism. Suffice it to say that the real observance of the principle of the presumption of innocence and the application of more stringent standards of admissibility of evidence led to the fact that charges that were quite acceptable in a “regular” court often “collapsed” like a house of cards in a jury trial. And the point is not that the investigators and prosecutors were accustomed to the accusatory bias

Theory of State and Law

of the court or were somehow reactionary – most of them fought crime quite sincerely. But at the same time, they just as directly used the outdated theory of evidence.

“It became clear,” writes L.M. Karnozova, a participant in those events, “that neither a change of ideology, nor the development of new skills and procedures in themselves does not mean a genuine restructuring in the field of justice, since, unlike cosmetic restructuring, reform concerns the foundations of legal understanding. They form the basic structure of legal professionalism, which has incredible inertia and conservatism and constitutes real activity, which “does not pay attention” to new ideological “decorations” and legislative innovations. The forms of activity proposed by transformers cannot, in principle, be realized without the structures of understanding that provide them. The professional consciousness of a lawyer should be based on the modern idea of law” [22, p. 12].

By the end of 1995, judicial reform in Russia had essentially stalled. The practice of jury trials stopped in nine regions. A moderately conservative draft of the new Criminal Procedure Code was submitted to the State Duma for consideration, and the Department of Judicial Reform and Legal Procedure of the Main Legal Directorate of the President of the Russian Federation was liquidated. The latest success of the reform can be considered the adoption of the Federal Constitutional Law “On the Judicial System of the Russian Federation of justices of the peace. But the spread of the institution of jury trials actually stopped, and there was simply no funding provided for the introduction of the institution of justices of the peace.

However, despite the difficulties, ideas for judicial reform continue to be implemented by legislators, constitutional oversight bodies and the interested public, and are also used in the process of harmonizing the legislation of the CIS countries. In particular, back in 1995, an international working group prepared a draft model criminal procedure code for the CIS member states. It was adopted by the CIS Interparliamentary Assembly on February 17, 1996 [19]. The standards included in this document provide for jury trials, modern standards of admissibility of evidence, and a number of other innovations.

In 1995, an international working group created and then adopted by the CIS Interparliamentary Assembly on February 17, 1996, a draft model criminal procedure code for the CIS member states. This document provides not only for the jury process itself, but also for the rules of admissibility of evidence, as well as a number of other innovations.

However, one very significant factor should probably be taken into account. “When it came to implementation, it turned out that there were not so many adherents of the ideas of reforming our justice among lawyers... It became obvious that the ideas about law rooted in the professional thinking of our community prevent a deep problematization of “socialist justice” and are the main brake on reforms... Awareness of this circumstances leads to the conclusion that the implementation of judicial reform consists not so much in the creation and implementation of new laws, in the material and technical support of newly created institutions, but also – first of all – in reforming legal thinking, professional mentality... This understanding of the situation forced us to highlight the development of professional thinking as a special area of work on judicial reform” [22, p. 6–7].

Justifying the importance of the “intellectual factor” of reforms, we note that the term “legal thinking” is not understood unambiguously [21; 26]. We proceed from the fact that thinking is not interpreted as a person’s subjective ability to “think,” which changes according to someone’s arbitrary desire. According to the famous specialist in the field of comparative law Rene David, “rules of law can change with the stroke of the legislator’s pen. But they also contain many elements that cannot be arbitrarily changed, since they are

closely connected with our civilization and our way of thinking. The legislator cannot influence these elements, just like our language or our manner of thinking" [9, p. 39]. In other words, although thinking is carried out by people, it has an objective nature, and the time scale in which we can talk about a change in thinking is the historical scale of the change of cultures.

In particular, exploring legal thinking, V. M. Rozin analyzes transformations, contrasting two approaches to them: as organizational decisions and as modernization: "In the first case, the effect of social action is insignificant, since the basic deep structures and processes of the system are not affected, which is affected. In the second there is hope for a real effect..." [21, p. 23]. Such "deep structures and processes", the influence on which can provide a real effect, include, in his opinion, "the language and foundations of legal thinking", enshrined by various legal schools in understanding the essence and nature of law. Therefore, it is necessary to answer the question about the nature of law and its connection with legal thinking and legal consciousness [21, p. 23].

Analysis of scientific literature indicates a very wide range of basic views of researchers on law.

Firstly, law is a set of norms governing human behavior in society;

secondly, law is the traditions and customs that are recognized as acceptable by the gods and therefore indicate the path that a person can and should follow;

third, law is the normative wisdom of elders who teach the generally accepted standard of human behavior;

fourthly, law is a system of principles discovered by philosophy that express the essence of things and therefore human behavior must be consistent with them;

fifthly, law acts as a set of guidelines and regulations following from an eternal and unchanging moral code;

sixth, law is a set of agreements between people in a politically organized community regarding relationships with each other;

seventhly, law acts as a reflection of the Divine will that governs the entire Universe, moreover, a reflection of that part of it that determines proper behavior addressed to people as principles of morality;

eighth, law is a set of commands of independent authority in a politically organized society that indicate how to behave with each other;

ninth, law is a system of prescriptions discovered by human experience, which consists in the freedom to realize one's individual interests, limited only by the interests and will of other participants in the relationship;

tenth, law is a set of principles discovered by philosophy and developed in detail by the scientific works of lawyers and their decisions on specific cases, which indicates that the will of a person must correspond and be consistent with the interests of other persons;

eleventh, law is a set of rules imposed on individuals by the ruling (dominant) class;

twelfth, law – rules of behavior based on economic and social laws identified during observation, taking into account the relationship between man and society and expressed in regulations regulating what is allowed to a person and what is not [27, p. 25–30].

Scientific research practice convinces that at the basis of each of the listed approaches to identifying the essence of law, some initial basis is found: will, freedom, morality, customs, traditions, experience, etc. At the same time, all of these views can be grouped into historically established legal schools, to carry out a classification according to basic positions and, of course, to implement other methods of scientific analysis and synthesis. It

Theory of State and Law

seems that although such a path is effective, especially in the didactic and educational terms, it still does not clarify the entire wealth of thought about the essence, purpose, and nature of law.

For example, R. Pound reduces all the listed ideas to four positions.

The *first* states that law exists only to maintain peace in society under any circumstances and at any cost. In pursuing this goal, law ignores other individual interests and social needs. When this goal is achieved, the need for law disappears, and its end comes.

The *second* idea is that law is a way of maintaining the social status quo. The essence of law is that it ensures the safety of social institutions that allow a person to have his own cell in society and avoid collisions with other individuals.

The *third* position reduces law to the protection of natural rights. Law exists only to protect these rights and enable them to be effectively exercised. At the same time, there can be no talk of any restrictions.

The *fourth* idea is that law exists only for this purpose and boils down to proclaiming and allowing the maximum self-affirmation of the individual [27, p. 30–47].

While generally agreeing with the stated philosophical interpretation of the nature of law, it is necessary to especially emphasize that it still requires decoding and concretization at the substantive level of legal consideration. Thus, although the psychological school recognizes that “when there is still no positive law,” it “lives in the soul” in the form of emotional fantasies, or projected, ideological values, this statement does not remove the problem of legal understanding, but, on the contrary, only indicates its significance. Recognizing the absence of mediation by a concept is also a form of legal understanding. Completely different interpretations are offered in sociological, pragmatic, institutional, solidaristic, theological and other interpretations of legal consciousness, and through it – the nature of law. For legal theory, solving problems of legal understanding is important, first of all, because without it a clear and distinct vision of legal reality, understanding the essence of law, formulating and developing its concept is impossible.

From the point of view of traditional Russian jurisprudence, “law, with its most elementary, strictly legal characteristics, is a criterion of “legal legitimacy”, a basis and evidence, a kind of social sign that each of us has the right or does not have the right to do something, to act somehow. Even according to the judgments of ancient Roman jurists (Celsus’s definition), law, being the science of goodness and justice, is intended to be the basis for the differences between what is permitted and what is not permitted” [6, p. 4].

The normativism that prevailed in Soviet jurisprudence reduced the desired criterion of legal legitimacy to the will elevated to law, as a system of legal “norms expressed in laws and other sources recognized by the state” [7, p. 123; 11, p. 80]. However, in the situation of the formation of new social relations, the requirements for legalization (recognition by the state) and legitimization (recognition as consistent with the law) of the norms governing these relations may not coincide. In this case, one can agree with M. Yu. Mizulin, who believes that “the state does not so much elevate law to normativity as it itself needs law as such” [17, p. 132], because “The state and law are closely interconnected, mutually condition each other, and do not exist separately. The state establishes legal norms and ensures their implementation, while the law establishes the structure of the state, its functions, competence and thereby brings clear certainty to the exercise of political power by the state” [11, p. 29–30].

Of course, for issues of law enforcement, it is very problematic to represent the law as existing “before” state recognition. For example, when going to court, the parties appeal

to the law not as philosophical justice, but only to the law that is “positively” expressed in norms officially recognized by the judiciary as an integral part of state power.

However, noting the significance of the very fact of state recognition of any norm, in particular in the activities of the legislator, it is necessary to clarify the issue of the nature of law. Is the legislator absolutely free to “construct” the norms of the law, or is there some kind of right that he cannot but recognize? Does the “creation of law” seem to be a purely political act – or does the state, not only in the person of a judge or official, but also in the person of a legislator, act within a legal framework? Is “judicial discretion” exercised in conditions of conflict, lacunae or other ambiguity in subsuming the norm by arbitrariness – or can the judge appeal to some kind of right that exists outside of the law? What is the nature of the normative interpretation given by the body of constitutional supervision: if the content of a legal norm is contained not only in its text, then where is it “extracted” by the legal interpreter?

The fundamentally significant point that the questions posed indicate is the connection between the nature of law and the phenomenon of legal consciousness, the starting point of which is legal understanding. And therefore, any interpretation of the nature of law in its most essential aspects turns out to be directly dependent on the concept of legal understanding that lies at its foundation. It is on it – as a “doctrine”, understood by some jurists as one of the sources of law – that the legislator, judge, and constitutional review body focus on in the problematic situations listed above [15, p. 36].

Bibliography

1. “The Constitution of the Russian Federation” (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>
2. Law of the Russian Federation “On Amendments and Additions to the Law of the RSFSR “On the Judicial System of the RSFSR”, “Criminal Procedure Code of the RSFSR”, “Criminal Code of the RSFSR” and “Code of the RSFSR on Administrative Offences”” dated July 16 1993 No. 5451-1 // Gazette of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Council of the RSFSR. 1993. No. 33. Art. 1313.
3. Law of the RSFSR “On amendments and additions to the Constitution (Basic Law) of the RSFSR” dated November 1, 1991 No. 1827-1 // Gazette of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Council of the RSFSR. 1991. No. 45. Art. 1497 (This Law actually ceased to apply in connection with the adoption of the Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993).
4. Federal constitutional law of December 31, 1996 No. 1-FKZ (as amended on April 16, 2022) “On the judicial system of the Russian Federation” // www.consultant.ru
5. Law of the Republic of Kazakhstan “On Amendments and Additions to the Constitution of the Republic of Kazakhstan” // Gazette of the Parliament of the Republic of Kazakhstan. 1998. No. 20. Art. 245.
6. Alekseev S. S. Philosophy of Law. Moscow: NORM, 1997. 336 p.
7. Alekseev S. S. Theory of Law. 2nd ed., revised. and additional Moscow: Bek, 1995. 311 p.
8. Bobotov S.V., Chistyakov N.F. Jury: history and modernity. Moscow: Manuscript, 1992. 149 p.
9. David R. Basic legal systems of our time. Moscow: Progress, 1988. 495 p.
10. Karnozova L. M. Jury in Russia: inertia of the profession and problems of reform // State and Law. 1997. No. 10. P. 50–58.
11. Komarov, S. A. General theory of state and law: a textbook for universities / S. A. Komarov. 10th ed., rev. and additional Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. 528 p.

12. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., rev. and additional // Ed. prof. S.A. Komarova. Moscow: Publishing house "Urayt", 2023. 325 p. (Series: Professional Commentary).
13. The concept of judicial reform in the Russian Federation. Moscow: Republic; RF Armed Forces, 1992. 110 p.
14. Chronicle of a jury trial (precedents and facts) // Russian justice. 1995, no. 9. pp. 2–6.
15. Matyukhin A. State in the field of law: institutional approach. Almaty: VShP "Edilet", 2000. 596 p.
16. Methodology for organizing applied comprehensive research and development in the field of law. Yaroslavl: Center for Scientific and Technical. Services, 1990. 282 p.
17. Mizulin M. Yu. Philosophy of politics: power and law. Yaroslavl, 1997. 209 p.
18. Pashin S. A. Judicial reform and jury trials. Moscow: RPA MU RF, 1994. 74 p.
19. Draft model criminal procedure code for the CIS member states, adopted by the Interparliamentary Assembly of the CIS member states on February 17, 1996 // App. to Inform. Bulletin Interparliamentary Assembly of the CIS Member States (St. Petersburg). 1996. No. 10.
20. Radutnaya N.V. Why do we need a jury trial. Moscow: RPA MU RF, 1994. 38 p.
21. Rozin V. M. Legal thinking (formation, sociocultural context, development prospects). Almaty: VShP "Edilet", 2000. 292 p.
22. Judicial reform: legal professionalism and problems of legal education. Discussions / Rep. ed. L. M. Karnozova. Moscow: International. Committee for Assistance to Legal Reform, 1995. 384 p.
23. Judicial reform: problems of analysis and coverage. Discussions about legal journalism / Rep. ed. L. M. Karnozova. Moscow: RPA MU RF, 1996. 491 p.
24. Adversarial justice: Tr. scientific-practical laboratories / Responsible ed. S. A. Pashin, L. M. Karnozova. Moscow: International. Committee for the Promotion of Legal Reform, 1996. Vol. 1. Part I, II. 224 pp.
25. Trial by jury. Scientific and practical collection / Alekseeva L.B., Baturov G.P., Borzenkov G.N., Verin V.P., etc.; Rep. ed.: Khaldeev L.S. Moscow: Publishing house RPA Ministry of Justice of the Russian Federation, 1993. 372 p.
26. Lloyd D. The Idea of Law. Penguin Books, 1991, pp. 284–299.
27. Pound R. An Introduction to the Philosophy of Law. New Haven and London, Yale University Press, 1982, pp. 25–30.

For citation: Matyukhin A.A., Komarov V.S. Rethinking and reforming legal understanding as an intellectual function of legal culture: article // Theory of State and Law. 2023. No. 4 (33). P. 157–163.

DOI: 10.25839/MATGIP_2023_4_150